

- ности// Социологос: Общество сферы смысла. Вып.1. М.: Прогресс, 1991. С.41.
2. Кашперский В.И. Отражение и функция: Роль процессов отражения в детерминации развивающихся систем: Философско-методологический анализ. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. С.79.
3. Шедровицкий Г.П. Системное движение, его смысл и возможные результаты// Системно-кибернетические аспекты познания. Рига: Зинатне, С.204.
5. Кант И. К вечному миру// Сочинения. Т.6. М.: Мысль, 1966. С.287.
6. Башляр Г. Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. С.152.

В.Е.Кемеров
г. Екатеринбург

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ К ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Классический тип философствования предполагает наличие системы образцов, определяющих соизмерение и понимание основных аспектов и сфер бытия; природы, общества, жизни людей, их деятельности, познания, мышления. Подразумевается соответствующий режим действия образцов: их дедуцирования, распространение, закрепление в конкретных формах духовной, теоретической, практической деятельности людей. Так, например, обобщенное представление о человеке включает в себя конкретные описания человеческих индивидов, объяснения их действий, оценки их ситуаций. В этом образце форма описания и объяснения предзадана, и когда она приходит в соприкосновение с "человеческим материалом", она выделяет в нем определенные качества и соизмеряет их. Соответственно, какие-то качества людей и вещей не учитываются образцом, остаются в "тени" или попросту отсекаются им.

Этот аспект работы обобщенного представления о человеке в качестве методологического образца указывает на его родство с канонами традиционного здравого смысла. Подобно традиционным представлениям о человеческой природе, он может транслироваться как неменяющаяся схема опыта из поколения в поколение, перемещаться в социальном времени, поддерживать его непрерывность, служить средством воспроизводства и организации социальных связей. Но в одном существенном моменте он отличается от традиционных схем: он не "прикреплен" к определенной зоне социального пространства, он уже не связан с особенностями и ограничениями сословного характера. Здесь приоткрывается историческая подоплека его логической "проницательности" (и кажущейся универсальности). Самим процессом истории он оторван от конкретной почвы; религиозными, правовыми, экономическими, технологическими, научными изменениями он абстрагирован от этнических, социальных, культурных особенностей человеческих общностей.

Эта особенность классического образца, подкрепляется его опорой (которая часто является просто ссылкой) на научные обоснования. Классическая философия использует авторитет и аргументы науки для придания своим образцам особой социальной значимости. Сходство этих образцов сразу и с традиционными канонами и с научными стандартами

свидетельствует о том, что они "претендуют" на ту самую роль, которую выполнили традиционные каноны поведения и мышления. Однако смещение традиционных схем и занятие их функциональной "ячейки" образцами осуществляется философией с опорой на научные стандарты и за счет сопоставления философских образцов и научных стандартов как инструментов человеческой деятельности.

Неклассическое философствование – это не направление, это – тип мышления и действия, сопряженный с реакцией на классические образцы, с кризисом классики и ее преодолением. Это – реакция на несообразность абстрактного субъекта классики конкретным индивидам, абстрактного объекта – эволюции природы, ее методологии – поиску ресурсов интенсивной деятельности во всех сферах практики.

По мере того, как сокращалось поприще действия классических образцов, все более широкой становилась зона проявления человеческой субъективности. Субъективность освобождалась от гносеологических оценок, сближавших ее с искаженным знанием, и выявляла онтологические аспекты жизни и действия человеческих индивидов. Этот сдвиг в проявлениях человеческой субъективности первоначально фиксировался психологическими исследованиями. Психология фактически "реабилитировала" субъективность и в то же время сама сместила фокус интересов с характеристики познавательных возможностей человека на трактовку эмоционально-волевой и внерациональной сфер его бытия.

В плане культурном и философском изменении статуса субъективности еще долго (до середины XX столетия) оценивалось в соответствии с классическими образцами, то есть негативно – как наступление субъективизма, иррационализма, нигилизма. В связи с этим и пространство культуры представлялось все более фрагментированным, лишаящимся своих устойчивых измерений и соответствий. С этой точки зрения и поле общества виделось совокупностью взаимодействий разных субъектов, удерживаемых от полного произвола только жесткими структурами социальности.

Поле социальности предстает разделенным между множеством субъектов, и это уже не индивидуальные субъекты с их психологизированной субъективностью, а "составные" – групповые, например, субъекты, реализующие свои образы мира, свои модели деятельности. Это – субъекты, аккумулирующие в себе энергию и организованность социальных общностей, отраслей деятельности, познавательных дисциплин, использующие их средства и ресурсы, утверждающие их субъективность и эгоизм. В пределе – это социальные машины, не только занимающие важные позиции в социальном пространстве, но и воспроизводящие это пространство, онтологизирующие свои модели и инструменты, формирующие предметность социального бытия и типы поведения самих людей.

Эта продукция, собственно, оказывается онтологизацией моделей, воплощенных в схемах и технологиях. Пространство общества постепенно заполняется такими онтологизированными моделями. С точки зрения, принимающей обычную логику вещей, в этом как будто не ничего странного. Однако в том-то и дело, что такое моделирование бытия приходит

в противоречие с логикой вещей, поскольку подменяет односторонними схемами (и их онтологизациями) собственное бытие природных объектов с присущими им ритмами и законами. Это по сути и порождает, а затем делает все более угрожающей экологическую проблему и ряд других проблем современного общества, связанных с огромной социальной инерцией экстенсивных типов деятельности. Возникает вопрос не только ограничения такого типа деятельности, но и согласования разных моделей мира, определения режима их взаимодействия; потребностей и условий их переработки.

Так выявляется группа методологических задач по выявлению моделей, их деонтологизации, ограничению и переработке. И прежде всего – это задача деавтоматизации моделей, "переродившихся" в крупные производства, управленческие структуры, институализированные формы научной деятельности, "захвативших" в орбиту своего функционирования огромные природные и человеческие ресурсы.

Решение этих задач предполагает выбор стратегии, нацеленной на выведение онтологизированных моделей из автоматического режима работы, определение их границ и возможностей; их корректировку или переработку соответственно подконтрольным для людей результатам.

Логика перехода философии к постклассическому этапу и типу работы определяется не только философией, "внутренними сюжетами" ее эволюции за последние полтора века. Важные стимулы дают развитие таких научных направлений как эволюционный универсализм, биология и физиология активности, синергетика, мир-системный подход. В этом смысле можно говорить о том, что Н.Моисеев, Л.фон Берталанфи, И.Пригожин, Ф.Бродель, И.Валлерстайн и некоторые другие исследователи сделали для формирования стиля постклассического философствования не меньше, чем известные философы второй половины XX в. Их усилия связаны с рядом практических – экологических, политико-экономических, технико-научных проблем, – четко указывающих на необходимость формирования образцов, а главное – на создание режима функционирования образцов, обеспечивающих со-существование социальных систем и их со-бытие с системами природными.

Проблема образцов возвращается в философию, но она возвращается как установка на изменение самой философии, на формирование философских концепций становления и функционирования образцов соответствующего структурирования социальности, субъектов взаимодействия, схем саморазвития человеческих индивидов. Особенностью этого режима является соединение устойчивости образцов как норм с их функциями регуляторов, обеспечивающих со-изменение и самоизменение человеческих субъектов.

Динамика образцов и их устойчивое функционирование – вот, собственно, та задача, от конкретного решения которой зависят другие трактовки традиционных философских понятий и процедур: субъект, объект, мера, система измерения, обобщение, конкретизация – все они заново открываются "со стороны" их становления, в аспекте взаимодействия; в плане самоизменения социальных субъектов. Так понятие общего указывает на форму, уравнивающую процессы бытия раз-

личных субъектов, систем, объектов, на форму динамическую, становящуюся и меняющуюся. Такая форма естественно оказывается элементом социальных связей, обеспечивает воспроизводимость социального пространства, но заведомо не совпадает с мерками других систем бытия, "втягиваемых" человеком в его деятельность. Стало быть, с точки зрения такой формы, многомерность "другого", "глубина" объективности, процессуальная полифоничность деятельности людей остаются вопросом открытым. Вместе с тем, и сама форма остается открытой для изменений, фиксирующих процессы, связи, взаимодействия, "не вписывающиеся" в уже установленные меры. Поскольку необходимость учета подобных процессов становится актуальной уже на бытовом уровне (скажем в связи с использованием разнообразных технических средств и измерительной аппаратуры) постклассическая философия сталкивается с проблемой своеобразного синтеза метафизических реконструкций и повседневного опыта людей.

С.А.Азаренко
г. Екатеринбург

КЛАССИЧЕСКОЕ И НЕКЛАССИЧЕСКОЕ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Представление о классическом формировалось в эпоху Нового времени. Согласно новоевропейскому взгляду, мир представляет собой предустановленный порядок, а знание о нем сводилось к совокушности образов: Под "образом" понимался продукт активного "схватывания" мира. Обратим внимание на этимологию слова "образ", оно происходит от глагола "обрезать" (М.Фасмер). Новое время создало представление о субъекте как активно "обрезающем" в познании фрагменты мира. Но "образ" можно понимать и как "обрез" или "скол" самого мира. Именно так его и понимали древние греки, используя для этого понятие "эйдоса" (или "идея"), что значит "вид", причем "вид" самого бытия, из которого происходит тот или иной фрагмент сущего. М.Хайдеггер подчеркивал, что, истолковывая бытие как "эйдос" или "идею", Платон придавал бытию характер пред-шествования, которое само в себе есть происхождение. Соответственно этому истолковывалось в античности и место человека в мире, выраженное в известном тезисе Протагора: "Человек есть мера всех вещей, сущих – что они существуют, не сущих – что они не существуют" То обстоятельство, что в данном тезисе человек представлен в качестве "меры" для сущего, может склонять к субъективистскому пониманию человека как той точки, откуда только и может быть отмерен или измерен мир. Однако "меру", как мы полагаем, можно истолковать и как "число", что и делает Аристотель, когда определяет время как меру или число движения. Число для грека со времен Пифагора – это размеры и соотношение частей сущего, которые определяют строение той или иной вещи. Человек сам есть соотношение или пропорция этого мира. Он не то, что определяет сущее, а то, через что оно определяется и выявляется. Человек, согласно грекам, есть соразмерность и ограниченность бытия. Это не